

Мифологизация истории II мировой войны как компонент информационной войны

По мнению многих историков, политиков, военных аналитиков и других специалистов, мир вступил в полосу глобальных перемен, где во многом уже не сами люди, не территория и не природные ресурсы, обеспечивают национальную безопасность и высокий жизненный уровень, а духовный, интеллектуальный и технологический потенциал политической власти. Именно в условиях ее действий, облеченных в информационно-интеллектуальную форму, проблема генерирования, или, наоборот, уничтожения духовно-интеллектуального ресурса, становится ключевой.

События последних лет наглядно показывают, что в мире активно меняются формы ведения политической борьбы, их содержание, терминология, применяемая для описания политической реальности. Наиболее наглядным примером может служить развернувшаяся кампания по переписыванию истории Второй мировой войны. Здесь, как в других исторических коллизиях, центральным объектом воздействия политики остается сознание человека. Но если раньше, оно использовалось большей степени в качестве жанрового направления для описания политических устремлений человека в ходе экстремальных условий войны, то теперь сознание индивидов и целых народов стали точно рассчитываемым объектом воздействия, с одной стороны, и инструментом оперирования, с другой.

Борьба за сознание окончательно трансформировалась в политическую деятельность, которая ведется иными, в том числе и неполитическими методами. Это, в свою очередь, трансформирует суть описания и оценки хода и последствий войн. Если ранее, захват и установление контроля над территорией иных государств, рассматривались как средства предваряющие духовно-культурную экспансию против населяющих их народов, то теперь она

предваряет непосредственные военные действия. В конечном итоге это приводит к ситуации, когда захват территории и военная агрессия, могут быть и не нужными, т.к. население противника уже подготовлено к лояльному приему вторжения.

Обострение политической борьбы породило применение и новой терминологии, более адекватно отражающей содержание происходящих процессов. Одной из таких категорий стало понятие «информационная война», которое в политической, научной, и особенно публицистической литературе, часто применяется крайне некорректно. С одной стороны, под него подводят любую информационно-пропагандистскую деятельность государств, их политических институтов, элит, лидеров и прочих агентов политики. С другой, содержание категории «информационная война» сужается до отражения сугубо специфических, военных по природе явлений, ведущихся новейшими радиоэлектронными средствами. Оба этих подхода не в полной мере отражают содержание развивающегося противостояния, которое приобрело глобальный характер. Здесь уместно упомянуть высказывание В. Стейница: «чем больше преимуществ будет получено в отдалённых от военных действий областях (к примеру – в духовной сфере, – авт.), тем вероятнее взять контроль над всеми ресурсами противника. То есть, необходимо получить преимущество над соперником в тех областях человеческой деятельности, которые, казалось бы, на первый взгляд не связаны непосредственно с войной» [1]. Очевидно, что правило, сформулированное великим шахматистом, достаточно далеким от политической деятельности, вполне точно отражает суть рассматриваемой проблемы.

Первой мировой войне принадлежит роль некой точки отсчета в эволюции способов ведения войн. За более чем столетний период, прошедший с тех пор, в одних войнах решающая роль отводилась современным на тот момент способам вооруженной борьбы (бесконтактная война), в других – экономике (блокады, санкции и т.п.), в-третьих – подрывным и террористическим методам и т.д. Во второй половине XX века бурное технологическое развитие и повышение роли

информационного поля вызвали к жизни серию нетрадиционных войн уже не в виде исключения, а как правило, в форме достаточно отработанной стратегии. В конфликтах, которые имели место после Второй мировой войны, противоборство осуществлялось уже в форме самых разных комбинаций, когда состояние войны, в ряде случаев, было трудно отличить от состояния мира. Такой, например, характер, носили глобальные политические отношения в период «холодной войны».

В этот же период в политической публицистике и даже научных работах распространяются описания конфликтных сценариев под названиями «четвертая мировая война», «пятая мировая война», «консциентальная война», «гибридная война» и т.п. Эти понятия пока еще не получили официального признания, но в военно-политическом дискурсе обращения к ним встречаются все чаще. Во многом этому способствует то обстоятельство, что процессы, которые в свое время были предсказаны С. Хантингтоном («глобальное столкновение цивилизаций»), А. де Мараншем («противостояние между западной цивилизацией и арабо-исламским миром»), Д. Вулси («конфликт Америки с арабскими режимами и радикальным исламом»), Ж.-Л. Брюгюскре («столетняя война современности»), в начале XXI века стали вполне реальными.

Основная направленность эволюции технологий власти и социального управления во все времена заключалась в том, чтобы при наименьших затратах, достичь подавляющего господства над сознанием как можно больших людских масс. Отличительной чертой современного этапа этого процесса является появление стратегий перевода целых обществ к новому качественному состоянию массового сознания - когда народы превращаются в население. Все это сопровождается резким повышением роли информационных процессов, созданием целой индустрии производства дезинформации, установлением контроля над информационными потоками, и в конечном счете - формированием совершенно уникальной и внешне управляемой культурно-духовной среды. Самым уязвимым объектом для поражения является та часть общества, которая в силу различных причин, недостаточно подготовлена к адекватному

восприятию и отражению цивилизационных реалий, поэтому именно эта среда и выступает в условиях информационной войны в качестве основного театра «военных действий».

Основными субъектами информационно-психологического воздействия на человека выступают государства и их институты, само общество в лице различных общественных, политических и неполитических организаций, формальные, неформальные и референтные социальные группы, а также отдельные личности.

Необходимо отметить, что сама концепция информационного общества во многом способствует такой ситуации. Она, как известно, базируется на признании реальной ценностью лишь информации, в то время, как реальная экономика считается архаичным цивилизационным признаком. А.Н. Панарин, определяет такое информационное общество как «...психоаналитическую структуру, замешанную на вытеснениях, репрессиях и подменах» [2, 63]. При данном походе вполне допустимым становится и положение, при котором политическая власть, облеченная в информационные формы, оказывается гораздо сильнее, чем любая непосредственно военная сила. Политическое же противоборство, обозначаемое термином «информационная война» выступает как «...принципиально самостоятельное явление политической действительности, имеющее свои собственные принципы, закономерности развития, формы и методы реализации, особую ресурсную базу [3]. Ее конечная стратегическая цель – это «изъятие» людей из сложившихся культурных форм общностей и разрушение сознания целых народов. В отличие от обычной войны, в которой преобладает принцип кумулятивного применения ресурсов (варьирование по времени и месту применения), в информационной происходит тотальное использование – в пространственном, качественном и количественном измерениях, и непрерывное – во временном.

Именно так происходит, когда речь идет о фальсификации истории в целом, и об истории Второй мировой войны, в частности. Воздействие на сознание и память людей здесь осуществляется не столько с корыстными

целями, как это в большинстве случаев происходит в области техники, но стимулируется прежде всего определенными политическими интересами. Фальсификация истории Второй мировой войны и ее итогов преследует целью разрушение исторической памяти целых народов, подрыв их национальной идентичности, внушение таких представлений о прошлом, которые позволяют тем или иным силам достигнуть определенных политических целей в настоящем. Здесь уместно напомнить, что сама по себе методология исторического познания формирует значительные объективные трудности и проблемы, касающиеся установления эмпирических фактов прошлого. Спекуляция на них и порождает множество возможностей для возникновения фальсификаций. Так, например, воспользовавшись неполнотой эмпирических сведений о событиях войны, часто предлагаются некоторые общие гипотезы, объясняющие отсутствие достоверных сведений о том или ином ее периоде, а затем, опираясь на некоторые другие источники, происходит иная интерпретация того или иного события или факта в нужном ключе. Другая возможность заключается в навязчивом стремлении выдвинуть и «обосновать» некоторую новую умозрительную гипотезу или даже теорию, позволяющую по-иному выполнить интерпретацию всего эмпирического исторического материала.

Именно с этих позиций сегодня и происходит фальсификация итогов и событий Великой отечественной войны, когда используются источники, аутентичность которых либо крайне сомнительна, либо, когда они являются прямым подлогом.

Очень часто используется способ выстраивания ложных причинно-следственных связей между событиями кануна войны и ее хода, произвольного вырывания каких-то фактов из многосложного исторического контекста. Такой прием очевиден при попытках приписать советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. решающее значение по развязыванию Второй мировой войны.

Во многих публикациях, прежде всего в средствах массовой информации, без необходимой научной корректности и должного обоснования вводятся новые понятия. Это, например, касается появления в современной публицистике

термина «Ржевская битва», используемого для описания сражений 1942–1943 гг. Если говорить о допустимости такой терминологии с художественной точки зрения, то битвами можно назвать и боестолкновение двух взводов или рукопашный бой двух отдельных солдат. Здесь отсутствует абсолютно необходимый переход от исторической методологии описания событий к необходимой в данном случае – военной.

Значительное место в фальсификации занимают манипуляции вокруг исторического значения отдельных событий или личностей, Примером является современная историографическая судьба генерала А. Власова, который, вопреки своей реальной роли, превращается в одного из ведущих военных деятелей, а в некоторых странах – возводится чуть ли не в ранг национальных героев.

Огромный вред объективному пониманию истории Второй мировой войны наносят попытки свести объяснение ее событий к субъективным факторам – планам, замыслам, мотивам отдельных лиц. Сегодня можно встретить множество публикаций, где советскому военно-политическому руководству, и лично И.В. Сталину приписываются некоторые намерения, а затем, исходя из них, как из факта, выстраиваются гипотетические причинно-следственные связи и описания исторических событий.

Одно из наиболее распространенных направлений фальсификации истории Великой Отечественной войны – стремление к подрыву символов национальной памяти, когда ставятся под сомнение хрестоматийные факты, связанные с подвигами воинов Красной Армии. Для этого используются «клиповая» подборка образов и вырывание конкретного факта из контекста явления в целом. В качестве примера можно привести многочисленные публикации о депортациях народов в СССР, об оправдании сотрудничества с фашизмом конкретных субъектов – политических элит государств и организаций.

Отдельно следует сказать о современных авторах трудов по истории Второй мировой войны. У автора имеется стойкое убеждение, что для человека с Запада, и тем более нашего современника, вообще очень трудно писать о

Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и касаться ее отдельных моментов. Они чаще всего пытаются представить свой ментальный взгляд на происходившие события, в результате чего описания становятся поверхностными, неестественными, искаженными. Лишь немногие из них, например, смогли осознать подлинные масштабы войны и количество потерь СССР, которые в 40 раз больше чем у Великобритании, и в 70 раз больше чем у США.

Несмотря на некоторые различия либерального и консервативного течений в зарубежной военной историографии, они одинаково и весьма своеобразно трактуют ход реальных событий войны на территории СССР, преподносят общественному мнению субъективные и стереотипные представления о том, что происходило на значительном удалении от западных театров военных действий. Эти публикации (В. Рут, Д. Толанд) направлены на оправдание, или хотя бы ослабление доли ответственности западных государств за развязывание войны в глазах мировой общественности. Одним из основных аргументов, с помощью которого эти авторы пытаются переложить со своих стран ответственность за проводимую политику умиротворения агрессора является версия, что главной причиной войны стали личные амбиции Гитлера и лидеров национал-социалистического движения.

В настоящее время особенно активизировался дискурс об «экспансионистских» устремлениях СССР и его непосредственном «соучастии» в возникновении очагов напряжения на европейском континенте. Утверждения, что советско-германский договор 1939 г. сделал «войну неизбежной», предоставил «шанс» гитлеровской Германии разгромить Польшу и Францию, позволил фашистскому режиму завоевать сильные политические позиции в Европе, а также умозрительные конструкции о том, что нападение на Советский Союз 22 июня было превентивным ударом в ответ на планы СССР первыми начать войну не являются чем-то новым практически со второй половины 40-х годов XX века. История Второй мировой войны была и остается одним из важнейших «фронтов» информационной войны и в наше время. Но парадокс

нашего времени состоит в том, что используемые подходы и способы фальсификации практически полностью повторяю практики пропагандистского аппарата Третьего рейха. Анализ архивных документов убедительно доказывает, что именно в его недрах зародились и «вышли в свет» мифы о «советской (коммунистической) угрозе», о «советском экспансионизме», о стремлении Сталина установить контроль над всем европейским континентом, о «настоящей» роли плана «Барбаросса», и, наконец, об «освободительной миссии» германского рейха на Востоке [4]. Обращение к достоверным источникам и неоспоримым свидетельствам является первоочередной задачей в исторической миссии по восстановлению и недопущению забвения реальных событий и итогов Второй мировой войны и той роли, которую сыграл советский народ в достижении великой Победы.

Список литературы

1. Иванов И. Занимательная политология. [Электронный ресурс] – 2019. – Режим доступа: <http://ivanivanov4.narod.ru/> Дата доступа: 10.02.2020.
2. Панарин А. Стратегическая нестабильность XXI века. // «Москва», - М., №№ 4-12, 2002 г.
3. Thomas P. Rona, «Weapon Systems and Information War», Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. [Электронный ресурс] – 2011. – Режим доступа: <http://www.agentura.ru/> Дата доступа: 10.02.2020.
4. Л. М. Воробьева. Фальсификация истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: современные процессы и тенденции. [Электронный ресурс] – 2020. – Режим доступа: <https://riss.ru/analitycs/1063/> Дата доступа: 10.02.2020.